

УДК 343.533

DOI: 10.17223/23088451/18/5

И.В. Лозинский**К ВОПРОСУ О НАПРАВЛЕНИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ, ОХРАНЯЮЩЕГО
ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Рассмотрены изменения, внесенные в Главу 22 Уголовного кодекса Российской Федерации на основании федеральных законов РФ от 27 декабря 2019 г. № 500-ФЗ, от 1 апреля 2020 г. № 73-ФЗ, от 27 октября 2020 г. № 352-ФЗ. Анализируется, насколько этих изменений достаточно для совершенствования настоящей главы. Рассматривается, насколько указанные изменения были необходимы для совершенствования отдельных норм, составляющих Главу 22 УК РФ. Дается предложение о необходимости совершенствования как других норм, составляющих данную главу, так и содержания ее в целом.

Ключевые слова: уголовное законодательство России, общественные отношения в сфере экономической деятельности

В декабре 2019 – октябре 2020 г. в охраняющую общественные отношения в сфере экономической деятельности Главу 22 Уголовного кодекса РФ законодателем вновь были внесены значительные изменения. В частности, на основании Федерального закона РФ от 27 декабря 2019 г. № 500-ФЗ изменениям подверглась ст. 191 УК РФ. В новой редакции она озаглавлена «Незаконный оборот янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней, драгоценных металлов, драгоценных камней либо жемчуга». Таким образом, имеет место «расширение» сферы действия указанной уголовно-правовой нормы, поскольку в предыдущей редакции ею предусматривалась ответственность за незаконный оборот только «драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга». Представляется, что в результате обозначенного «расширения» окажется устраненным значительный пробел в уголовном законодательстве. Одновременно новая редакция ч. 1 ст. 191 УК РФ содержит и административную преюдицию, что, на наш взгляд, представляет собой одно из направлений совершенствования действующего уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в рассматриваемой сфере.

Также административную преюдицию содержит и ч. 1 ст. 193 УК РФ на основании Федерального закона РФ от 01 апреля 2020 г. № 73-ФЗ. Кроме введения административной преюдиции в указанную уголовно-правовую норму, этим законом в нее внесены и иные изменения. В частности, ч. 1.1 ее признана утратившей законную силу. При этом ответственность за деяние, предусмотренное данной частью, в новой редакции ст. 193 предусматривается п. «б» ч. 2. Следует отметить, что ч. 1.1 в ранее действующую редакцию ст. 193 была введена в 2016 г. на основании Федерального закона № 325-ФЗ от 3 июля обозначенного года. Этой частью предусматривалась уголовная ответственность за совершение запрещаемого рассматриваемой нормой деяния «группой лиц по предварительному сговору». Одновременно п. «б» ч. 2 ст. 193 УК РФ в предыдущей редакции предусматривал ответственность за совершение указанного деяния «организованной группой». Та-

ким образом, предыдущее реформирование данной уголовно-правовой нормы состояло в дифференциации ответственности за совершение запрещаемого ею деяния в разных формах соучастия. Необходимо отметить, что в диспозиции ст. 193 в редакции Федерального закона РФ от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ такая дифференциация отсутствовала, и уголовная ответственность за совершение этого деяния в соучастии предусматривалась п. «б» ч. 2 этого закона. То же имеет место и в результате поправок, внесенных в данную диспозицию Федеральным законом РФ от 1 апреля 2020 г. № 73-ФЗ. Таким образом, этим законом фактически восстановлена редакция ч. 2 ст. 193 2013 г. Одновременно, на основании обозначенного закона значительно увеличены как «крупный», так и «особо крупный» размеры, о которых отмечено в диспозиции рассматриваемой нормы. В отличие от предыдущей, в ее новой редакции «крупный» размер увеличен законодателем от 100 млн руб., «особо крупный» – от 150 млн руб. Таким образом, в рассматриваемой ситуации, в отличие от ст. 191 УК РФ, имеет место «сужение» сферы действия ст. 193 УК РФ, что, по нашему мнению, свидетельствует о частичной либерализации уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности. Об указанной либерализации, на наш взгляд, свидетельствует и введение в ч. 1 данной уголовно-правовой нормы административной преюдиции.

Одновременно с изменениями, внесенными в ст. 193 УК РФ, настоящим законом внесены изменения и в иные нормы, составляющие Главу 22 УК РФ. В частности, изменениям подверглась и ст. 198. В результате этих изменений, в Примечании 2, законодателем точно определены суммы как «крупного размера», так и «особо крупного размера», чего не наблюдалось в ее предыдущей редакции. Таким образом, оказались устраненными сложности его законодательной конструкции.

Также рассматриваемым законом внесены изменения и в Примечание 1 к ст. 199 УК. В результате указанных изменений законодатель, как и в предыдущей

ситуации, точно установил суммы «крупного размера» и «особо крупного размера» применительно к ст. 199. Аналогичные изменения для точного установления указанных сумм внесены законодателем и в Примечания 1 к ст. 199.1, 199.3 и 199.4 Уголовного кодекса. Таким образом, благодаря рассмотренным изменениям оказались устраненными значительные законодательные пробелы.

Наряду с внесением изменений в обозначенные уголовно-правовые нормы, за указанный период законодатель дополнил Главу 22 УК РФ и новеллой. На основании Федерального закона РФ от 27 октября 2020 г. № 352-ФЗ в данную главу введена ст. 200.7, предусматривающая уголовную ответственность за «Подкуп арбитра (третейского судьи)». Согласно действующему законодательству Российской Федерации, решения арбитров (третейских судей) имеют большое значение для правильного разрешения рассматриваемых ими споров, возникающих между хозяйствующими субъектами. Представляется, что в связи с этим обстоятельством появляется возможность «продажи» «выгодных» судебных решений арбитрами (третейскими судьями), что свидетельствует о наличии коррупционной составляющей. Таким образом, криминализация указанного деяния обусловлена усилением российского уголовного законодательства в сфере борьбы с коррупцией среди арбитров, третейских судей. Следует отметить, что в Уголовном кодексе РФ уже существуют нормы, предусматривающие ответственность за коррупцию – ст. 204, 290. Однако субъект преступлений, запрещаемых данными нормами, в первом случае является сотрудником коммерческой организации, во втором – должностным лицом. Третейский судья в процессе рассмотрения спора не может относиться ни к одному из этих лиц. Таким образом, дополнение отечественного уголовного законодательства данной новеллой и, как результат, «расширение» уголовно-правового вмешательства в сферу экономической деятельности являются обоснованными, поскольку исключается значительный законодательный пробел.

Представляется, что внесения этих изменений явно недостаточно для дальнейшего совершенствования Главы 22 УК РФ. В юридической литературе высказываются точки зрения о необходимости совершенствования и иных норм, составляющих указанную главу. Например, ст. 200.4, введенная в нее законодателем в 2018 г. Несмотря на ее новизну, законодательная конструкция данной уголовно-правовой нормы имеет некоторые дефекты, один из которых состоит в определении субъекта запрещаемого ею деяния. Следуя логике законодателя, в качестве указанных субъектов рассматриваются: работники контрактной службы; контрактный управляющий; члены комиссии по осуществлению закупок; лица, осуществляющие приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг; либо иные уполномоченные лица, представляющие интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, которые не являются должностными лицами или лицами, выполняющими управлен-

ческие функции в коммерческой или иной организации [1. С. 55]. В результате проведенного в юридической литературе анализа этих субъектов отмечено, что отнесенный к ним «контрактный управляющий» является должностным лицом. Данное обстоятельство напрямую противоречит диспозиции рассматриваемого уголовно-правового запрета [2. С. 28]. Таким образом, имеет место ошибка законодателя в определении субъекта обозначенного деяния, поскольку, следуя логике последнего, это деяние совершается лицами, которые не являются должностными. В результате указанное определение является, с одной стороны, достаточно «размытым», что позволяет лицам, виновным в совершении деяния, запрещаемого ст. 200.4 УК РФ, избегать привлечения к уголовной ответственности, с другой – наблюдаются противоречия между положениями уголовного и гражданско-правового, а также и административного, законодательства, что также не способствует правильному применению данной нормы на практике [2. С. 29]. Достаточно «размытой» выглядит и объективная сторона рассматриваемого деяния. Свидетельство тому – равнозначное толкование законодателем таких ее элементов, как «злоупотребления» и «нарушение». По своей сущности указанные элементы не являются однородными, поскольку «злоупотребление» представляет собой только умышленное деяние, а «нарушение» может представлять собой и деяние, совершенное по неосторожности [1. С. 56]. Следуя логике законодателя, рассматриваемое деяние должно совершаться только умышленно. По нашему мнению, это способно привести к затруднениям, связанным с практическим применением ст. 200.4, поскольку доказать именно умышленный характер запрещаемого ею деяния окажется достаточно сложным. Таким образом, рассматриваемая уголовно-правовая норма в настоящей ее редакции является практически неприменимой. Следует отметить, что она вводилась в УК РФ с целью усиления ответственности именно за нарушения в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. Этим и обосновывается криминализация запрещаемого ею деяния и, как результат, «расширение» уголовно-правового вмешательства в сферу экономической деятельности. Таким образом, несмотря на необходимость криминализации обозначенного деяния, проблема совершенствования уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в указанной сфере, оказалась фактически нерешенной. Представляется, что для правильного решения данной проблемы необходимо проведение мониторинга применения ст. 200.4 УК РФ на практике.

Одновременно существует необходимость совершенствования и иных норм, составляющих Главу 22 УК РФ. В юридической литературе обоснованно высказана точка зрения о несовершенстве ст. 169 УК, устанавливающей ответственность за «Воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности» [3. С. 58]. По мнению ученых, указанное несовершенство состоит в том, что часть элементов деяния, ответственность за совершение которого

предусмотрена рассматриваемой нормой, представляет собой административные правонарушения, наказуемые по ст. 7.29–7.30 КоАП РФ. Таким образом, в данной ситуации имеет место конкуренция уголовной и административной ответственности. Проанализировав судебную практику применения ст. 169, следует отметить, что в большинстве случаев уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ею, прекращаются по реабилитирующим основаниям. Одновременно лица, виновные в совершении исследуемого деяния, привлекаются в большинстве случаев лишь к административной ответственности [3. С. 59]. На наш взгляд, правомерно возникает вопрос о необходимости существования рассматриваемого уголовно-правового запрета. В юридической литературе вполне обоснованно высказано мнение, что только некоторые действия против предпринимательской или иной деятельности могут быть квалифицированы как преступления [3. С. 60]. Как и в предыдущей ситуации, для правильного решения проблемы совершенствования ст. 169 УК РФ необходимо проведение мониторинга ее практического применения.

Одновременно, по нашему мнению, решение рассматриваемой проблемы возможно и иным путем. Нами ранее отмечалось, что по своей правовой природе запрещаемое ст. 169 деяние является разновидностью должностных преступлений, ответственность за совершение которых предусмотрена нормами Главы 30 УК РФ [4. С. 44]. Таким образом, в обозначенной ситуации не исключается и «перевод» данного уголовно-правового запрета в указанную главу УК, что позволит частично «разгрузить» Главу 22 УК РФ от норм, устанавливающих ответственность за деяния, не представляющие собой посягательства на общественные отношения в сфере экономической деятельности.

Также в юридической литературе отмечено о недостатках законодательной конструкции и иных норм, составляющих Главу 22. Пример – ст. 178 УК РФ, предусматривающая ответственность за «ограничение конкуренции». Несмотря на множество поправок, внесенных законодателем в диспозицию указанной нормы, она по-прежнему является несовершенной. Причина обозначенного несовершенства состоит в том, что рассматриваемой нормой установлена уголовная ответственность только за ограничение конкуренции посредством картеля, а иные антиконкурентные соглашения законодателем не криминализованы [5. С. 47]. Необходимо отметить, что в предыдущей ее редакции, действовавшей до марта 2015 г., предусматривалась уголовная ответственность и за «ограничение доступа на рынок», которое, на наш взгляд, также следует рассматривать как антиконкурентное соглашение. Федеральным законом РФ от 8 марта 2015 г. № 45-ФЗ данный элемент был исключен, что, по нашему мнению, привело к возникновению значительного законодательного пробела. Одновременно П.С. Яни обоснованно высказал мнение, что и само понятие картеля в настоящей редакции раскрыто достаточно произвольно, в результате отсутствует единая точка зрения о возможности привлечения виновных лиц к уголовной ответственности

по ст. 178. Так, с одной стороны, эта ответственность наступает, если имеет место ограничивающее конкуренцию соглашение, с другой – ограничение конкуренции связано с картелем [5. С. 47]. Таким образом, наряду с обозначенным пробелом имеет место и неточное толкование элемента диспозиции рассматриваемой уголовно-правовой нормы. П.С. Яни для правильного решения проблемы совершенствования ст. 178 УК предложено установить, что «участники картельного соглашения – хозяйствующие субъекты-конкуренты». Им же высказано мнение, что «нельзя рассматривать как картель соглашение, заключенное хозяйствующим субъектом с лицом, не отвечающим признакам его конкурента, даже если данное соглашение заключено с целью устранения второго лица от участия в торгах» [5. С. 49]. Представляется, что в случае принятия вышесказанного П.С. Яни мнения законодателем борьба с ограничением конкуренции окажется более эффективной. Также в данной ситуации не исключается и частичная криминализация деяний, рассматриваемых как антиконкурентные соглашения. В частности, «восстановление» в диспозиции ст. 178 УК РФ ответственности за «ограничение доступа на рынок».

Следующей «проблемной» нормой является ст. 183 УК РФ, устанавливающая ответственность за «незаконное получение или разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну». Несмотря на то что преступные посягательства на коммерческую и банковскую тайну имеют достаточно широкое распространение, судебная практика по указанным уголовным делам до настоящего времени не может быть признана вполне сложившейся. А.Н. Ляскало выделяет некоторые проблемы квалификации по ст. 183, которые связаны с неоднозначным толкованием границ коммерческой и банковской тайны [6. С. 40]. В частности, по рассматриваемой норме часто квалифицировались посягательства на различные конфиденциальные сведения, коммерческая ценность которых не была подтверждена. В указанной ситуации наблюдалось противоречие с положениями норм регулятивных отраслей права, в частности с положениями Федерального закона РФ от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне», согласно которым для отнесения каких-либо сведений к коммерческой тайне необходимо, чтобы они имели действительную коммерческую ценность в силу неизвестности их третьим лицам. То же А.Н. Ляскало отмечено и о проблемах, возникающих при квалификации уголовных дел о разглашении банковской тайны [6. С. 42]. Следует отметить, что в Федеральном законе РФ «О банках и банковской деятельности» не указано, что следует понимать под «банковской тайной». В результате имеет место достаточно широкое толкование обозначенного элемента диспозиции ст. 183 УК. Во избежание проблем, возникающих с ее практическим применением, необходимо точно определить как границы, так и момент возникновения коммерческой и банковской тайны [6. С. 45]. Одновременно нами ранее отмечено, что для совершенствования ст. 183 необходимо в ее диспозиции дать толкование и «тяжких последствий» [4. С. 157].

К «проблемным» следует отнести и ст. 194 УК РФ – «Уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица». В процессе применения указанной уголовно-правовой нормы у правоприменителя возникают сложности при определении места совершения запрещаемого ею преступления. Данное место может отличаться как от места перемещения товаров и транспортных средств через таможенную границу, так и от местонахождения декларанта [7. С. 52]. В результате этот вопрос остается дискуссионным, что не способствует эффективной борьбе с обозначенным деянием. По мнению некоторых ученых, место его совершения должно устанавливаться правоприменителем с учетом конкретных обстоятельств соответствующего дела, возбужденного по ст. 194 УК [7. С. 54]. Представляется, что приведенное решение рассматриваемого вопроса является наиболее оптимальным, поскольку диспозиция ст. 194 является бланкетной, а для уяснения ее содержания следует принять во внимание специфику таможенного законодательства.

Одновременно, проведя анализ и иных норм, составляющих Главу 22 УК РФ, следует выделить и иные нормы, нуждающиеся в совершенствовании. По нашему мнению, к ним следует отнести и ст. 189 УК РФ, устанавливающую ответственность за «незаконные экспорт из Российской Федерации или передачу сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники». Предыдущие поправки в указанную уголовно-правовую норму законодателем были внесены еще в 2013 г., при этом они были незначительными. Нами ранее отмечалось, что диспозиция ст. 189 законодателем сформулирована неточно. Об этом свидетельствует тот факт, что не ясно, в каком случае возможно привлечение лица к уголовной ответственности: либо если оно совершило только незаконный экспорт сырья; либо только незаконный экспорт материалов; либо только незаконный экспорт оборудования; либо только незаконный экспорт технологий; либо только незаконный экспорт научно-технической информации; либо же оно привлекается к уголовной ответственности только тогда, когда оно совершило незаконный экспорт всего, о чем отмечено в диспозиции данной нормы. В результате нами было предложено в ее заглавие и диспозицию ввести разделительные союзы «или» между элементами, перечисляемыми в них, поскольку без их использования однозначное толкование запрещаемого ею деяния правоприменителем окажется невозможным. Благодаря их введению законодательная конструкция рассматриваемой уголовно-правовой нормы окажется понятной для любого адресата закона [4. С. 155].

Также в совершенствовании нуждается и ст. 190 УК РФ – «Невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей». Как и в ситуации со ст. 189 УК РФ, предыдущие законодательные поправки в ст. 190 были внесены в 2013 г. После них ст. 190 УК

ни разу им не подвергалась. Проанализировав ее диспозицию, возможно выделить в ней такой проблемный элемент, как «культурные ценности». В действующей редакции указанной уголовно-правовой нормы данный элемент фактически не раскрыт законодателем. В связи с этим, аналогично ситуации со ст. 189 УК РФ, неясно, что относится к этим ценностям. По нашему мнению, с целью совершенствования ст. 190 УК РФ необходимо определение «культурных ценностей» выделить как отдельное примечание к ней.

Одновременно, на наш взгляд, наряду с криминализацией подкупа арбитра, третейского судьи, для устранения отдельных законодательных пробелов, имеющих место в Главе 22 УК РФ, с целью ее дальнейшего совершенствования необходима криминализация и иных деяний. Следует отметить, что отношения конкуренции, которые являются «нервом» рыночной экономики, до сих пор уголовным законом охраняются не в полном объеме. Представляется, что актуальной является проблема уголовно-правовой охраны этих отношений от дискредитации деловой репутации юридических лиц. В обозначенной ситуации данная дискредитация представляет собой распространение ложных, неточных либо искаженных сведений, которые способны причинить убытки одним предпринимателем другому хозяйствующему субъекту, являющемуся юридическим лицом, либо нанести ущерб его деловой репутации. Имеющая место в УК РФ ст. 128.1 «Клевета» не способна в полной мере защитить возникающие в сфере предпринимательской деятельности общественные отношения, поскольку она введена в Главу 17 – «Преступления против свободы, чести и достоинства личности», в связи с этим применяется лишь к физическим лицам. Составляющие большинство участников делового оборота юридические лица фактически оказались вне уголовно-правовой охраны. Таким образом, криминализация указанного вида недобросовестной конкуренции вполне обоснованна.

По нашему мнению, не менее актуальной является проблема уголовно-правовой охраны отношений конкуренции от введения в заблуждение потребителей, представляющего собой действия как хозяйствующего субъекта, так и группы лиц, направленных на формирование у участников рынка товаров, работ и услуг представлений, не соответствующих действительности. Несмотря на то что данные действия не оказывают прямого влияния на потребительский спрос, они порождают у участников рынка ожидания, которые в определенных ситуациях смогут отвлечь клиентов в отдельных его сегментах для направления их в сегмент, нужный недобросовестному участнику рынка. Указанное деяние по своей правовой природе не является мошенничеством, поскольку потерпевший в рассматриваемой ситуации – не покупатель, а добросовестный предприниматель, который, во-первых, в результате использования им честной информации, не содержащей ложные, но привлекательные сведения, лишается определенного количества потребителей; во-вторых, в результате обманных действий недобросовестных коммерсантов он лишается доверия потре-

бителей. В результате данного проявления недобросовестной конкуренции добросовестному предпринимателю может быть причинен серьезный материальный ущерб, который может привести его к банкротству с последующим уходом с рынка. Таким образом, как и в предыдущей ситуации, необходима криминализация обозначенного проявления недобросовестной конкуренции.

Представляется, что дальнейшее развитие экономики не исключает и иных проявлений недобросовестной конкуренции. Обозначенные проявления возможны с использованием и различных технических средств. Таким образом, криминализация указанных проявлений недобросовестной конкуренции также является необходимой.

Одновременно для решения проблемы совершенствования Главы 22 УК РФ необходима криминализация нелегальной выдачи всех видов кредитов, в том числе и микрозаймов – нелегальных, «черных» кредиторов. Указанная необходимость объясняется достаточно широкой распространенностью обозначенного деяния – в 2018 г. по самым примерным расчетам было выявлено приблизительно 2 300 таких нелегальных кредиторов, что на 70% больше, чем их было в 2017 г. [8]. По нашему мнению, данное увеличение количества случаев деятельности «черных» кредиторов не является окончательным. Таким образом, криминализация этого противоправного деяния правомерна.

Как направление совершенствования Главы 22 УК РФ, следует рассматривать и декриминализацию отдельных деяний, наказуемых составляющими указанную главу нормами. Это объясняется тем, что дальнейшее развитие отечественной экономики предусматривает и постепенное отмирание отдельных деяний, запрещаемых нормами данной главы. За все время действия УК РФ было декриминалировано лишь четыре деяния: ст. 173 – «Лжепредпринимательство»; ст. 182 – «Заведомо ложная реклама»; ст. 188 – «Контрабанда»; ст. 200 – «Обман потребителей». По нашему мнению, декриминализация лжепредпринимательства вполне обоснованна, поскольку уголовно-правовая норма, запрещающая его совершение, предусматривала ответственность за создание коммерческой организации без намерения осуществлять предпринимательскую деятельность. На это указывали и отмеченные в диспозиции ст. 173 конструктивные признаки обозначенного преступления. Таким образом, в рассматриваемой ситуации имело место решение «искусственно созданной задачи». На основании Федерального закона РФ от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ ст. 173 УК РФ утратила силу.

Представляется обоснованной и имевшая место на основании Федерального закона РФ от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ декриминализация деяний, запрещаемых ст. 182, 200 УК РФ, поскольку они являлись преступлениями небольшой тяжести. Об этом же отмечалось и практическими работниками в процессе проведенного нами их анкетирования [4. С. 116]. По мнению последних, для борьбы с указанными деяниями достаточно эффективны менее репрессивные виды юридической

ответственности, в частности административная ответственность.

Последний из рассматриваемых нами фактов декриминализации деяний имел место в 2011 г., в результате утратила силу ст. 188 УК РФ, устанавливавшая ответственность за совершение контрабанды. При этом уже через три года, в 2014 г., уголовная ответственность за совершение контрабанды фактически была восстановлена законодателем – ст. 200.1, 200.2, 226.1 и 229.1 УК РФ. Таким образом, декриминализация ст. 188 фактически оказалась аннулированной.

Проанализировав нормы, составляющие Главу 22 Уголовного кодекса РФ, можно отметить, что большей частью из них запрещено совершение деяний, по своей правовой природе не являющихся посягательствами на общественные отношения именно в сфере экономической деятельности. Наряду со ст. 169 УК, к указанным нормам возможно отнести и ст. 170 – «Регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом». Запрещаемое этой нормой деяние, как и деяние, запрещаемое ст. 169, по своей правовой природе представляет собой разновидность должностных преступлений, наказуемых нормами Главы 30 УК РФ. То же следует отметить и о ст. 170.1, устанавливающей уголовную ответственность за «фальсификацию единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета», поскольку обозначенное деяние также относится к должностным преступлениям [4. С. 44].

Также не является посягательством на рассматриваемые общественные отношения и запрещаемое ст. 180 УК РФ «незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)». По своей правовой природе данное деяние представляет собой разновидность посягательств на порядок управления, ответственность за совершение которых предусмотрена нормами, составляющими Главу 32 УК. К указанным посягательствам относится и «нарушение правил изготовления и использования государственных пробирных клейм», уголовная ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 181. Одновременно как посягательства на порядок управления следует рассматривать и различные злоупотребления на рынке ценных бумаг, запрещаемые ст. 185–185.4 УК. По нашему мнению, в рассматриваемой ситуации, как и в предыдущей, возможен перевод указанных уголовно-правовых запретов в Главы 30, 32 УК РФ, также представляющий собой одно из направлений совершенствования Главы 22 УК. Как направление совершенствования этой главы, следует рассматривать и перевод в Главу 32 норм, устанавливающих уголовную ответственность за «фальсификацию решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества» (ст. 185.5 УК), «неправомерное использование инсайдерской информации» (ст. 185.6 УК), «изготовление, хранение, перевозку или сбыт поддельных денег или ценных бумаг» (ст. 186 УК), «неправомерный оборот средств платежей» (ст. 187 УК). Представляется, что далее в другие главы

УК РФ будут переведены и иные составляющие Главу 22 нормы, устанавливающие ответственность за деяния, не являющиеся по своей правовой природе посягательствами на общественные отношения в сфере экономической деятельности. Нами ранее было сказано об этих нормах [4. С. 45–48].

Таким образом, несмотря на внесение законодателем в Главу 22 УК РФ рассмотренных поправок, указанная глава по-прежнему является несовершенной. Об этом свидетельствует, во-первых, наличие в ней значительных законодательных пробелов, что существенно снижает эффективность действующего уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в рассматриваемой сфере; во-вторых, наличие недостатков законодательной конструкции диспозиций ряда норм, составляющих эту главу, что также не способствует эффективной охране указанных общественных отношений. Поэтому в качестве одного из направлений совершенствования Главы 22 УК РФ следует рассматривать криминализацию новых форм проявления недобросовестной конкуренции. Одновременно развитие отечественной экономики предполагает и утрату общественной опасности отдельных деяний, запрещаемых нормами данной главы, с их последующей декриминализацией. Обозначенную декриминализацию следует рассматривать и как направление совершенствования Главы 22 УК. В качестве направлений совершенствования этой главы возможно рассматривать как частичную криминализацию, так и частичную декриминализацию отдельных деяний, запрещаемых составляющими ее нормами, с целью устранения недостатков законодательных конструкций данных норм. Частичная криминализация, как и частичная декриминализация возможны в случаях внесения законодательных поправок в нормы регулятивных отраслей права, поскольку большая часть охраняющих общественные отношения в сфере экономической деятельности уголовно-правовых норм имеет бланкетные диспозиции.

Наряду с обозначенными, к направлениям совершенствования исследуемой главы УК следует отнести, по нашему мнению, и перевод некоторых норм в иные главы УК РФ, поскольку, как показывает анализ указанных норм, большинством из них установлена ответственность за совершение деяний, которые по своей правовой природе не представляют собой посягательства на рассматриваемые общественные отношения. В результате обозначенного перевода окажется возможным правильно определить круг преступлений, объект которых – общественные отношения, возникающие именно в сфере экономической деятельности. Следует отметить, что в Главе 22 УК РФ имеется незначительное количество норм, задача которых – охрана данных общественных отношений. В действующей ее редакции этой задаче подчинены нормы, устанавливающие уголовную ответственность за «незаконное предпринимательство» (ст. 171 УК), «незаконные организацию и проведение азартных игр» (ст. 171.2 УК), «незаконные производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» (ст. 171.3

УК), «незаконную розничную продажу алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции» (ст. 171.4 УК), «незаконную банковскую деятельность» (ст. 172 УК), «фальсификацию финансовых документов учета и отчетности финансовой организации» (ст. 172.1 УК), «организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества» (ст. 172.2 УК), «не внесение в финансовые документы учета и отчетности кредитной организации сведений о размещенных физическими лицами и индивидуальными предпринимателями денежных средствах» (ст. 172.3 УК), «ограничение конкуренции» (ст. 178 УК), «незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну» (ст. 183 УК), «неправомерные действия при банкротстве» (ст. 195 УК), «преднамеренное банкротство» (ст. 196 УК), «фиктивное банкротство» (ст. 197 УК). По своей правовой природе указанные деяния представляют собой различные проявления недобросовестной конкуренции между субъектами, осуществляющими предпринимательскую деятельность. Следуя данной логике, правильным решением законодателя будет дать Главе 22 УК РФ название «Преступления в сфере предпринимательской деятельности». В результате станет возможным наиболее оптимально установить круг деяний, относящихся к преступлениям данной группы.

По нашему мнению, правомерным является вопрос, насколько необходима именно в рассматриваемой Главе введенная законодателем новелла, предусматривающая уголовную ответственность за подкуп арбитра, третейского судьи (ст. 200.7 УК). По своей правовой природе данное деяние является разновидностью подкупов, ответственность за совершение которых предусмотрена нормами Глав 23, 30 УК РФ. Исходя из названия указанной новеллы, субъект запрещаемого ею деяния не является лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность. Таким образом, с целью совершенствования Главы 22 УК РФ необходим перевод ст. 200.7 в иную главу. На наш взгляд, то же касается и места ст. 184 УК именно в Главе 22. Уже отмечалось об ошибке законодателя, заключающейся в отнесении запрещаемого этой нормой деяния к преступлениям рассматриваемой группы [4. С. 45]. Представляется, что для совершенствования обозначенной главы также необходимо перевести из нее в другую главу УК РФ и ст. 184.

Следует отметить, что рассмотренные ранее направления совершенствования Главы 22 УК РФ, представляющие собой «переводы» норм, устанавливающих ответственность за совершение деяний, которые по своей правовой природе не являются преступлениями, посягающими на общественные отношения в исследуемой сфере, в другие главы, далеко не исчерпывающие. На наш взгляд, указанному переводу должны подвергнуться не только обозначенные ранее, но и иные нормы, составляющие Главу 22.

Таким образом, основным направлением совершенствования отечественного уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности, следует рассматривать перевод

из Главы 22 УК РФ в иные его главы норм, запрещающих деяния, которые по своей правовой природе не представляют собой посягательства на общественные отношения в данной сфере. Одновременно с целью устранения законодательных пробелов не исключается и криминализация

новых форм проявления недобросовестной конкуренции. Также с целью сокращения уголовно-правового вмешательства в исследуемую сферу возможна и декриминализация отдельных деяний, запрещаемых нормами, составляющими Главу 22 УК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Любый И.А. К вопросу об ответственности за злоупотребления в сфере государственных и муниципальных закупок // Российская юстиция. 2019. № 5. С. 54–56.
2. Любый И.А. Проблемные вопросы субъективного состава ст. 200.4 УК РФ // Российская юстиция. 2020. № 2. С. 27–29.
3. Аристархов А.Л., Зяблина М.В. Актуальные проблемы выявления и расследования фактов воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности // Российская юстиция. 2020. № 1. С. 58–60.
4. Лозинский И.В. Реализация принципов криминализации и законодательной техники в сфере борьбы с экономическими преступлениями. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. 168 с.
5. Яни П.С. Проблемы уголовно-правовой квалификации картеля // Законность. 2020. № 5. С. 45–49.
6. Ляскало А.Н. Экономическая тайна: уголовно-правовая характеристика // Законодательство. 2020. № 1. С. 40–46.
7. Корчагин Е.В. Определение места совершения преступления, предусмотренного ст. 194 УК // Законность. 2020. № 5. С. 52–54.
8. Маркелов Р. Заём на долгий срок // Российская газета. 2019. 29 ноября. С. 2–5.

Статья принята к публикации 10.09.2021.

On Improving the Criminal Legislation of Russia Protecting Public Relations in Economic Activities

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 18, pp. 24–31. DOI: 10.17223/23088451/18/5

Igor V. Lozinsky, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Kafedra.ups@mail.ru

Keywords: criminal legislation of Russia, public relations in the field of economic activity.

The article analyses the changes in Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation on the basis of RF Federal Laws No. 500-FZ of December 27, 2019, No. 73-FZ of April 1, 2020, and No. 352-FZ of October 27, 2020. As it has been established, these changes are not enough to improve Chapter 22, since they affect only an insignificant part of its norms. The changes under discussion have expanded the scope of Article 191 of the Criminal Code of the Russian Federation, since the new version provides for liability for not only illegal traffic in precious metals, natural precious stones or pearls, but also for illegal traffic in amber, jade or other semiprecious stones. In addition, its Part 1 now contains an administrative prejudice. Similar to Part 1 of Article 191 of the Criminal Code of the Russian Federation, the above changes have resulted in administrative prejudice in Part 1 of Article 193 of the Criminal Code of the Russian Federation. Its new edition provides for wider evaluative features, such as “on a massive scale” and “in especially big amount”. As a result, its scope has narrowed, which can be considered as the liberalization of criminal legislation that protects public relations in economic activity. The legislator has precisely determined the “massive” and “especially big” amounts in relation to Articles 198, 199, 199.1, 199.3, 199.4 of the Criminal Code of the Russian Federation. Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation has been supplemented by Article 200.7, which provides for liability for bribery of an arbitrator, which indicates the “expanded” criminal law intervention in economic activity. The purpose of this “expansion” is to eliminate the legislative gap in the Chapter under discussion. Despite the changes, the problem of improving the Chapter has not been resolved, as it can be seen from the shortcomings of the legislative structures of Articles 169, 178, 183, 189, 190, 194 of the Criminal Code of the Russian Federation. The comparative analysis of the other norms that make up Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation has shown that most of these norms provide for criminal liability for acts that, by their legal nature, do not constitute an encroachment on public relations in economic activity. Thus, in order to improve the criminal legislation protecting these social relations, the norms prohibiting the commission of acts that are not encroachments on these relations should be “transferred” from Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation to its other Chapters. As a result, it has become possible to establish correctly the range of crimes against social relations in economic activity. They include crimes prohibited by Articles 171, 171.2, 171.3, 171.4, 172, 172.1, 172.2, 172.3, 178, 183, 195, 196, 197 of the Criminal Code of the Russian Federation. By their legal nature, these acts are various manifestations of unfair competition. Therefore, the considered improvement should include the criminalization of new forms of its manifestation, such as discrediting the business reputation of legal entities, misleading consumers, and illegal issuance of all types of loans. The decriminalization of certain acts prohibited by the norms that constitute Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation can be considered as a way to improve the criminal legislation protecting public relations in economic activity.

References

1. Lyuby, I.A. (2019) On the issue of responsibility for abuses in the field of state and municipal procurement. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 5. pp. 54–56. (In Russian).
2. Lyuby, I.A. (2020) Problematic issues of the subjective content of Article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 2. pp. 27–29. (In Russian).
3. Aristarkhov, A.L. & Zyablina, M.V. (2020) Topical problems of detection and investigation of the facts of obstruction of lawful business or other activity. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 1. pp. 58–60. (In Russian).
4. Lozinsky, I.V. (2013) *Realizatsiya printsipov kriminalizatsii i zakonodatel'noy tekhniki v sfere bor'by s ekonomicheskimi prestupleniyami* [Implementation of the principles of criminalization and legislative techniques in the field of combating economic crimes]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Yani, P.S. (2020) Problemy ugolovno-pravovoy kvalifikatsii kartelya [Problems of the criminal legal qualifications of the cartel]. *Zakonnost'*. 5. pp. 45–49.

6. Lyaskalo, A.N. (2020) Ekonomicheskaya tayna: ugovovno-pravovaya kharakteristika [Economic secret: criminal law characteristics]. *Zakonodatel'stvo*. 1. pp. 40–46.
7. Korchagin, E.V. (2020) Opredelenie mesta soversheniya prestupleniya, predusmotrennogo St.194 UK [Determination of the crime site under Article 194 of the Criminal Code]. *Zakonnost'*. 5. pp. 52–54.
8. Markelov, R. (2019) Zaem na dolgiy srok [The long-term loan]. *Rossiyskaya gazeta*. 29 November. pp. 2–5.

Received: 10 September 2021